

РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИИ В РОССИИ ВО ВРЕМЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ 20–30х гг. XX ВЕКА

Лузин Андрей Анатольевич

Пермский Государственный Национальный Исследовательский Университет

Психология (бакалавриат), 1 курс

dyuchin@gmail.com

Политические репрессии в Советской России начались сразу после Октябрьской революции 1917 года. После окончания Красного террора периода Гражданской войны политические репрессии в Советской России и позднее в СССР, продолжились. В конце 1920-х – начале 1930-х годов с укреплением личной власти И.В. Сталина репрессии приобрели массовый характер. Репрессии оказали пагубное влияние, как на страну в целом, так и на судьбу психологии. Но прежде, чем говорить о самих репрессиях, нужно сказать, что было до этого: какие были пути развития психологии, кем и как развивалась методология и, конечно, какая была экономическая и политическая обстановка в стране.

В предреволюционные годы русскую научную интеллигенцию вдохновляла вера в грядущее обновление Родины, ее избавление от рабства и барства, когда восторжествуют свободный труд и свободная мысль. Конечно, отношения к самой революции были разные. Но при всех различиях она была исполнена предощущением великих перемен, обещающих переустройство народной жизни на началах разума и социальной справедливости.

Октябрьская революция 1917 года ознаменовала распад прежних социокультурных структур. Часть интеллигенции под впечатлением тягот и мрачных картин реальности восприняла ее как катастрофу. Однако революция ознаменовала собой не только глобальные политические изменения в России, но и перестройку всей научно-методологической базы психологии. Уже в

первые годы советской власти была поставлена цель построения новой "системы марксистской психологии".

Т.Д. Марцинковская отмечает, что 20–30-е годы XX века были периодом максимального расцвета отечественной детской психологии, а вместе с ней педологии и педагогической психологии [4, с. 1]. Этот плодотворный период развития педагогической психологии в нашей стране, за которым последовали десятилетия жестких ограничений и критики, условно можно разбить на несколько этапов:

первый этап (1917–1922) – ревизия эмпирической дореволюционной науки, методологическая перестройка педагогической психологии и системы образования, поиск новых методов обучения и воспитания, связанных с зарождением новой советской школы;

второй этап (1923–1928) – выработка единой методологической основы на базе синтеза отдельных психолого-педагогических течений и плана развития советской научной педагогической психологии и педологии, первый Педологический съезд;

третий этап (1929–1936) – интенсивное развитие педагогической психологии, разработка и внедрение новых объективных методов исследования закономерностей психического развития, в том числе распространение психодиагностических методик для массового использования в педологической практике, но в то же время усиливающаяся критика и прекращение существования рефлексологии, реактологии и педологии [4, с. 1].

К началу первого этапа в российской психологии существовало несколько школ и направлений, отстаивающих свои идеи с разных философско-идеологических подходов: материалисты и идеалисты, эксперименталисты и сторонники естественнонаучного и мистического направления, педологи и рефлексологи и т.д.

Несмотря на то, что все эти учёные были объединены духом перемен, и зов будущего рождал их пионерские исследовательские проекты, безусловно,

находились те, кто справедливо требовал больше, чем просто переход к новому строю. Таким был И.П. Павлов, который стал открыто выступать против новых властей, критикуя их до конца своих дней за беззаконие, произвол, репрессии: «В первые годы революции многие из почтенных профессоров лицемерно клялись в преданности и верности новому большевистскому режиму. Мне было тошно видеть и слышать, так как я не верил в их искренность. Я тогда написал Ленину: “Я не специалист и не верю в ваш опасный социальный эксперимент”. И что же вы думаете? Ленин правильно оценил мою прямоту и тревогу за судьбы отчизны и не только не сделал ничего худого мне, но, напротив того, отдал распоряжение улучшить условия моей жизни и работы, что и было незамедлительно сделано в те тяжелые для всей страны дни» [2, с. 8].

Однако, несмотря на все призывы улучшить условия труда, все научные направления, которые не соответствовали новым требованиям с точки зрения марксизма и материалистических позиций, беспощадно уничтожались. Также целью нового правительства была Новая Советская Школа, призванная воспитать “нового” гражданина социалистического общества, для чего потребовались новые психолого-педагогические методы исследования, обучения и воспитания подрастающего поколения. Поэтому в первые годы советской власти именно *педагогическая* психология переживала трудный период своего перерождения.

На этом этапе уделялось большое внимание разработке объективных методов исследования закономерностей психического развития: генетического метода, инструментального метода (Л.С. Выготский), рефлексологических методов (М.В. Бехтерев), естественного эксперимента (А.Ф. Лазурский, М.Я. Басов), тестирования, анкетирования (Н.А. Рыбников) и многих других [4, с. 2]

Кроме жёстких правок в методологию и сжатых рамок исследования на первом этапе уже начались репрессивные случаи по отношению к учёным гуманитарных специальностей и не только. В 1923 году академик В.И. Вернадский, немало испытавший (вплоть до тюремного заключения), писал из

заграницы: «Мне хочется коснуться положения науки в России. Мне кажется, здесь, в Париже, не сознают огромного дела культурного, которое сделано. Сделано при страданиях, унижениях, гибели...» [2, с. 9.] Правомерно ли считать, что уже в тот период, когда на тех, кто занимался наукой, выпали «страдания, унижения, гибель», зародился феномен репрессированной науки? Как отмечает М.Г. Ярошевский, это действительно было так. Первая репрессивная акция по отношению к ученым была предпринята в 1922 году и являлась роковой в том смысле, что положила начало политизации науки со всеми вытекающими из этой партийно-государственной установки пагубными последствиями [2, с. 9]. Среди тех, кто не ушел в эмиграцию, имелась большая группа выдающихся русских ученых, философов, социальных мыслителей-немарксистов. В отношении этой группы (около 200 человек) было принято решение об их высылке из страны в административном порядке. Конечно, все эти дела были сфабрикованы, а административно-карательные меры были применены к инакомыслящим, которые не совершали деяний, направленных на насильственное свержение существующего строя, не были замешаны в каких-либо враждебных политических акциях против него. Данные репрессии были мотивированы тем, что «новая» советская молодёжь таким образом теряла своих оппозиционеров и формировала единые правильные взгляды на науку и её продвижение.

С этого момента я начинаю описывать каждый этап развития психологии, делая упор на то, как эта наука искажалась через призму другой – «репрессивной науки». Начало второму этапу положил состоявшийся в 1923 году в Москве Первый Всероссийский съезд по психоневрологии. Всё ещё были актуальны требования о том, что вся научная активность должна быть подчинена строгому марксизму и материализму. Возникла, однако, трудная задача выявить, какие же именно научно-теоретические подходы и концепции соответствуют духу марксизма и какие ему противопоказаны. Ведь влияние противоположно настроенной профессуры на учащуюся молодёжь, пресечь

которое предстояло Коммунистической академии, сказывалось в изложении конкретных научных фактов, теорий, методов. Учёным-немарксистам приходилось всячески изворачиваться. Это явление хорошо описал Л.С. Выготский: «Я не хочу узнать на даровщинку, скроив пару цитат, что такое психика – я хочу научиться на всем методе Маркса, как строят науку... Марксизм не только применяют не там, где надо... но и берут из него не то, что надо: не случайные высказывания нужны, а метод» [2, с. 12]. Заручившись этой мыслью, Л.С. Выготский вместе с другими учёными таким как В.М. Бехтерев, П.П. Блонский, М.Я. Басов, К.Н. Корнилов, А.П. Нечаев, Г.А. Фортунатов, Г.И. Челпанов начинает интенсивнее разрабатывать такое важное направление психологии как педология.

Также из положительных моментов, второй этап, как отмечает в своей статье Н.А. Киселева, отличался активным развитием экспериментальных исследований, которые проводились с целью изучения психических познавательных процессов, без которых немислима учебная и педагогическая деятельность [4, с. 3]. Например, Н.Ф. Добрынин рассматривал вопросы воспитания внимания, памяти, развития интересов и формирования личности ребенка. М.Я. Басов пропагандировал введение в педагогическую практику метода научного наблюдения, разрабатывал схемы наблюдения и анализа эмпирических данных, полученных с помощью наблюдения в естественном эксперименте.

Начало третьего этапа ознаменовал первый Педологический съезд, состоявшийся в конце 1928 – в начале 1929 года, на котором была выработана общая платформа развития отечественной детской психологии и тесно взаимосвязанных с ней педологии и педагогической психологии. Уже в 1933 году А.Р. Лурия говорил о результатах коллективных усилий в построении советской психологии: «Пятнадцать лет борьбы, жестокой и непримиримой, борьбы за внедрение подлинной марксистской методологии в научную практику, борьбы за связь практики с адекватной ей теорией, борьбы против

идеализма и мистики в науке – эти пятнадцать лет наметили четкие пути, создали мощный коллектив работников и выковали твердую уверенность в дальнейших победах» [1, с. 4].

Но как отмечает М.Г. Ярошевский в своей работе: "Не стоит односторонне рассматривать все высказывания учёных того времени. Большинство из них, подчиняясь партийно-бюрократическому диктату, с одной стороны, сохраняя восприимчивость к голосу научной совести – с другой, вынуждено было жить с расщепленным сознанием, двойной моралью" [2, с. 16]. Ярошевский подкрепляет это тем, что в 20–30-х годах с «великим переломом» началась вакханалия «изготовления» контрреволюционеров с целью реализации людоедских политических планов. Исполнители этих планов, конечно, хорошо знали о невинности подлежащих осуждению, и сами суды являлись отрететированными «спектаклями». Так, в 1929 году рефлексологической дискуссии стало прекращение существования науки рефлексологии, созданной В.М. Бехтеревым, в связи с исключением из исследования психики и сознания, а также по ложным обвинениям в биологизации и крайне механистической трактовке человека и поведения. В 1931 году реактология К.Н. Корнилова подверглась жёсткой критике за отрыв теории от практики и "вредные для социалистического строительства положения". В результате К.Н. Корнилову пришлось отказаться от реактологии под страхом "репрессивной машины".

Но кульминацией стало наступление на психологию на «идеологическом фронте» – разгром педологии в связи с принятым ЦК ВКП(б) постановлением от 4 июля 1936 года «О педологических извращениях в системе Наркомпросов». Мне хотелось бы подробнее описать значение этого события, т.к. педология, как мы выяснили выше, была ведущим направлением в психологии того времени. В 1936 году Центральный комитет партии принял постановление, потребовавшее покончить с распространением в СССР "лженауки" педологии, искаженно трактующей влияние среды и наследственности [3, с. 160]. Но если не поговорить о принципах, на которых

основывалась это направление, невозможно будет понять, почему его репрессировали.

Во-первых, педологи отказались от изучения ребенка «по частям», когда что-то выявляет возрастная физиология, что-то – психология, что-то – детская невропатология и т.д. Педологи решили, что нужно прийти к синтезу разносторонних знаний о ребенке, используя не только свои знания, но и других наук.

Второй ориентир заключается в том, что ребенок – существо развивающееся, поэтому понять его можно, принимая во внимание динамику и тенденции развития.

Третий принцип педологии связан с коренным поворотом в методологии исследования детства. Педология приняла важное решение: обязательно рассматривать ребёнка в социальном контексте, в котором он живёт и развивается, что не делалось ранее другими науками.

И, наконец, четвертый принцип педологии – сделать науку о ребенке практически значимой, перейти от познания мира ребенка к его изменению. Именно поэтому было развернуто педолого-педагогическое консультирование, проводилась работа педологов с родителями, делались первые попытки наладить психологическую диагностику развития ребенка.

Самыми тяжёлыми обвинениями (так и не снятые за последующие пятьдесят лет историей педагогики) по итогу были следующие. Они состояли в том, что педология якобы всегда признавала для судьбы ребенка «фатальную роль» наследственности и «неизменной» среды (откуда в постановлении ЦК ВКП(б) возникло это слово «неизменная», так и не выяснено). А потому педологам приписывали, по шаблонам того времени, пособничество расизму, дискриминацию детей пролетариев, чья наследственность будто бы отягощена, согласно «главному закону педологии», фактом эксплуатации их родителей капиталистами. Подоплека этого главного обвинения легко распознается: «советский человек» – это же новая особь, рожденная усилиями

коммунистических идеологов. Он должен быть «чистой доской», на которой можно писать все, что будет угодно [3, с. 161]. Учёные педологи отстаивали позицию о том, что на основе среды нельзя прямо сказать, что представляет личность и кем она будет. Тем самым они хотели подчеркнуть внутренний мир человека как один из детерминантов развития ребёнка.

Не менее тяжёлое обвинение было связано с активно развернутым педологами изучением среды, в которой росли и развивались дети. В 1932–1933 годах в ряде районов страны разразился голод, миллионы людей бедствовали, поднималась волна репрессий... В таких обстоятельствах партийное руководство не считало возможным допустить объективное исследование среды и ее влияния на развитие детей. Кто мог позволить согласиться с выводом педолога, что деревенский ребенок отстает в учебе, потому что недоедает? Следовательно, делался вывод, что во всём виноват учитель.

Судьба педологии оказалась трагична. Уничтожение педологии как феномен регрессирования науки в эпоху сталинизма получило значительный резонанс и отозвалось тяжелыми осложнениями и торможением развития ряда смежных областей знания и, прежде всего, во всех отраслях психологии, в педагогике, психодиагностике и других сферах науки и практики.

Обвинение в «протаскивании педологии» нависало над психологами, педагогами, врачами и другими специалистами, зачастую никогда не связанными с «лженаукой». Многие из них были отправлены в ссылку, кто-то расстрелян, некоторым удавалось продолжать работать, но в ужасающих условиях: голодным, в холоде и зачастую в одиночестве. Полностью были ликвидированы все педологические учреждения и факультеты, как, впрочем, и сама эта специальность. Типична и судьба учебников по психологии: Л.С.Выготского, П.П. Блонского, М.Я. Басова и других. По этой причине их имена и труды в дальнейшем на десятилетия были исключены из научного оборота.

В результате этих действий с этих пор такая наука как “педагогика” потеряла основу для своего развития. Ребёнок стал восприниматься как точка приложения сил, а не думающего, радующегося и страдающего человека, развивающуюся личность, с которой надо сотрудничать, а не только лишь поучать ее, требовать и муштровывать.

В дальнейшем многие психологические труды получали успешность благодаря репрессированной педологии и подчинению карательному аппарату.

Подводя итоги, я считаю, что нельзя и невозможно говорить кратко о всех последствиях и о самих карательных мерах в отношении психологии и людей, которые её продвигали. Но несколько слов в конце всё же я обязан написать. Политизация и идеологизация науки руководство страны использовали, чтобы натравливать молодежь на старую интеллигенцию. Большинство пришедших в науку на рубеже 20–30-х гг. были честными тружениками, энтузиастами, самоотверженно строившими новое общество. Правительство стремилось направить их против их учителей, якобы пропитанных буржуазными идеями, безнадежно зараженных вирусами идеализма и метафизики. Научно-техническая интеллигенция, верная завещанной предшествующим веком борьбы за новую Россию идее бескорыстного служения народу, лишалась возможности передать новому поколению высокие принципы этого века – независимость мысли и чистоту помыслов. С приходом Сталина ко всем бедам в культуру начала внедряется глобальная подозрительность. Хорошим показателем верности делу социализма теперь считались доносы, а не научные труды или продвижение страны.

Как писал М.Г Ярошевский в своей работе “Сталинизм и судьбы советской науки: «Ни в одной стране не было тогда – на изломе двух эпох – столь самобытного множества людей науки, создавших особый культурный слой, истребление которого одно из величайших преступлений» [2, с. 7]. Не подсчитано, сколько талантов было уничтожено, и, конечно, мы никогда не узнаем, сколько их было задушено в зародыше, не успевших сказать свое слово

в науке. Но по трагическим судьбам тех, кому выпало на долю вписать свое имя в летопись науки, можно составить представление о том, как работала адская машина репрессий и на какие подвиги шли учёные ради науки и своей страны.

Литература

1. Кольцова В.А., Артемьева О.А. К истории становления советской психологии как «нормальной» науки // Известия Иркутского государственного университета, серия «Психология», 2013. С. 43–52.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-istorii-stanovleniya-sovetskoj-psihologii-kak-normalnoj-nauki> (дата обращения: 15.04.2020).

2. Ярошевский М.Г. Сталинизм и судьбы советской науки. // Репрессированная наука. Ленинград: Наука, 1991. С. 6–33.

URL: <http://old.ihst.ru/projects/sohist/books/os/9-33.htm> (дата обращения: 15.04.2020).

3. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. // Российская психология в советский период. М.: Издательство «Феникс», 1996. Том 2. 416 с.

URL: <http://www.persev.ru/book/pervaya-volna-repressirovaniya-psihologii-razgrom-pedologii> (дата обращения: 15.04.2020).

4. Киселева Н.А. Развитие экспериментальных исследований в советской педагогической психологии 1917–1936. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2011. С. 173–176.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-eksperimentalnyh-issledovaniy-v-sovetskoj-pedagogicheskoj-psihologii-1917-1936-godov> (дата обращения: 15.04.2020).

